

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Игнашина З.Н. — Некоторые особенности влияния африканских языков на развитие кубинского национального варианта испанского языка // Филология: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.2.39775 EDN: HGRWIL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39775

Некоторые особенности влияния африканских языков на развитие кубинского национального варианта испанского языка

Игнашина Зоя Николаевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель, Финансовый университет при правительстве РФ

125167, Россия, Московская область, г. Москва, Ленинградский проспект, 49

✉ tirroleland@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.2.39775

EDN:

HGRWIL

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2023

Дата публикации:

12-02-2023

Аннотация: В статье рассматривается понятие языковых контактов и их роли в развитии национальных вариантов испанского языка Латинской Америки. Автор уделяет внимание рассмотрению таких аспектов как: понятие вариативности как ключевого аспекта функционирования испанского языка; классификация языковых контактов в зависимости от их длительности, интенсивности и степени влияния языков друг на друга. Предметом исследования выступают особенности интерференционного влияния африканских языков на становление Кубинского национального варианта испанского языка как яркого представителя карибской диалектно-вариантной группы. Африканизмы составляют значительный пласт лексических единиц, отличающих кубинский национальный вариант, формируя несколько лексико-семантических групп, непосредственно связанных с национальной культурой. Основными выводами проведенного исследования может стать подтверждение роли влияния африканских языков на формирование кубинского национального варианта испанского языка и значение языковых контактов с африканскими языками в процессе формирования кубинского национального варианта.

Автор обращает внимание на частотность афрокубанизмов, возможность рассмотрения их в качестве маркеров диалектного членения рассматриваемого национального варианта испанского языка. Новизна исследования заключается в анализе характера взаимодействия лексем в рамках культурно-специфических групп, особенностей безэквивалентной лексики как компонента культурно-специфических фразеологических единиц и роли африканского компонента в формирование национально-культурной лингвоспецифики испанского языка Кубы и самосознания кубинского народа.

Ключевые слова:

национальный вариант, диалект, вариативность, языковые контакты, карибский испанский, заимствования, африканские языки, антропонимы, прецедентная лексика, фразеологизм

Изучение особенностей латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, их вариативности было и остается одним из ключевых вопросов отечественной и зарубежной испанистики. Как отмечает исследователь Л.В. Баранникова, вариативность проявляется «как в процессе отражения действительности и выражения обобщенных мыслительных образов в чувственно воспринимаемой, то есть звуковой, форме, так и в процессе функционирования языка в качестве важнейшего средства человеческого общения», являясь тем самым общим свойством, заложенным в самом «устройстве» языковой системы как способ «существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» [1]. При этом одним из важнейших факторов понимания данного аспекта является фактор интенсивных языковых контактов – взаимодействия языков, оказывающих влияние на структуру одного из них – в синхронном и диахронном срезе на различных этапах формирования латиноамериканских национальных вариантов.

Термин «языковые контакты», заменивший существовавший ранее термин «смешение языков», критикуемый многими учеными-филологами, был введен в научное обращение А. Мартине; в дальнейшем рассмотрен У. Вайнрайхом в его научной работе «Языковые контакты». В рамках термина «языковые контакты» рассматриваются 1) диалекты и наречия одного языка; 2) языки различных социальных групп в пределах одного языка; 3) близкородственные языков; 4) различные по структуре языки.

Существуют различные подходы к классификации языковых контактов. К примеру, А.В. Гарник выделяет в зависимости от длительности контакта: 1) казуальные языковые контакты, происходящие при нерегулярных контактах языков друг с другом. 2) перманентные, устанавливающиеся в результате интенсивных контактов языков друг с другом. Среди перманентных контактов выделяются два подтипа: 1) внешние, устанавливающиеся между народами разных государств, расположенных на близких территориях, которые имеют тесные экономические, политические, культурные связи 2) внутренние, которые возникают между языками народов, образующих одно государство [2].

Говоря о странах карибского бассейна, в первую очередь, о Кубе, следует отметить, что важной особенностью их формирования стало наличие перманентных языковых контактов между носителями испанского и африканских языков, что нашло свое выражение в интерференции на различных уровнях языка. Известный кубинский лингвист Р. Чой Лопес выделяя несколько основных этапов формирования кубинской

разновидности испанского языка, примерно совпадающих с основными периодами становления кубинской нации, говорит об интенсивных языковых контактах различных этнических групп как ключевом факторе формирования кубинской культурной и лингвистической идентичности. [6].

Приведем наиболее частотные африканизмы современного кубинского национального варианта испанского языка, распределенные нами по лексико-семантическим группам:

1. Пища, продукты питания: *endila* – ‘блюдо из муки, воды и яиц’; *fufu* – ‘жареные бананы’; *tasajo* – ‘вяленое мясо’; *zambumbia* – ‘напиток из сахарного тростника’; *c hibirico* – «‘язычки’ с сахаром» (вид сдобной выпечки), *agualoja* – «прохладительный напиток из меда, корицы и пряностей», *calalu* – овощное блюдо из листьев таро, либо листьев ксантосомы, *cocada* – разновидность сладкого блюда,

2. Музыкальные инструменты, музыкальная культура: *m arímbula* – ‘маримбула’, народный щипковый инструмент’; *g uapachá* – ‘гуапача’, распространенный на Антильских островах танец; *c hachá* – ‘чача’, музыкальный инструмент из пустого гуиро (гуиро – плод горлянского дерева, распространенного на Кубе и в Пуэрто-Рико); *a ggbé* – ‘кубинские маракасы’ и др.

3. Негативная характеристика человека: *t reniní* – ‘нищий’; *e nsonga* – ‘бессловесный’; *e ntumbo* – ‘пьяный», *sandanga* – глупый,

4. Предметы быта и обихода: *emeruaba* – «горшочек»; *kumaka* – «сумка из пальмовых листьев»; *orual* – «глиняный диск» и др.

5. Мир флоры и фауны: *sus ú* – ‘земляной орех’; *m usenga*, *misenga* – ‘сахарный тростник’; *m ancueva* – ‘тигр’; *c alabongo* – ‘светлячок’, *biajaca* – разновидность рыбы группы акара,

Интересным представляется наличие так называемых регионально-узусуальных заимствований, распространенных в рамках определенной диалектной зоны Кубинского испанского, в первую очередь, Юго-восточная зоны (Сантьяго-де-Куба, Гуантанамо) и Южной зоны (Баракоа), которые, согласно исследователю Р. Чою Лопесу [4,5,6], являются наиболее диалектно специфичными в силу определенной изоляции на некоторых исторических этапах. Можно привести следующие примеры: *benubu* – ‘разновидность медицинского растения’, *bolondro* – разновидность гибискуса, *tahona* – мероприятие с громкой музыкой, изначально, разновидность барабана, распространенная в восточной части Кубы, *serensé* – *фунча*, баланда из кукурузной муки и др.

Афрокубанизмы часто становятся частью фразеологизмов глагольного типа. Так, весьма употребительны выражения *ser una bunga* – быть ложным, неточным, *quedar de arronga* – оставить в дураках, *comer cazuela* – отпускать неосторожные комментарии в адрес человека в его присутствии или в присутствии его родных и близких (происходит от исходного значения слова *cazuelo* в языке-доноре конго – «говорить» [7]).

Значительный интерес представляют культурно специфические фразеологические единицы кубинского национального варианта испанского языка в основе которой лежит безэквивалентная лексика, относящаяся к вербализации африканских религиозных культов, о которых жители Кубы не имели представления до европейской экспансии и развертывания экономического хозяйствования с привлечением негритянских рабов. Рассмотрим некоторые примеры.

В современном испанском языке Кубы существует фразеологизм *bajarle el chang ó / darle chang ó*, означающий, что некто сильно рассердился, впал в ярость, «мечет гром и молнии». Данный фразеологизм, семантически опорным компонентом которого выступает антропоним *Chang ó*, уходит в комплекс мифологических представлений народа йоруба, происходящего из Нигерии. У йоруба сложился политеистический пантеон богов (ориша), полубогов и духов, где одним из главнейших божеств считается Чанго (Шанго / Санго), когда-то бывшего четвертым царем Йоруба и ставшего Богом грома.

«Словарь американизмов» RAE можно найти следующее определение вышеуказанному антропониму: *Deidad de la religi ó n yoruba que representa al trueno , la justicia , la virilidad , la danza y el fuego* ('Божество из религии йоруба, который является воплощением грома, справедливости, мужественности, танца и огня'). Таким образом, становится понятен смысл антропонима *Chang ó* в составе приведенной фразеологической конструкции, который выступает также ее культурообусловленным компонентом. Как отмечает кубинский лингвист А. Лауренсио Такоронте, фразеологизм *bajarle (el) Chang ó* имеет и религиозное значение: 'впасть в транс': *bajarle Changó <a> sant. caer en trance (sin. bajarle el santo)* [8].

В корпусах испаноязычных текстов можно найти значительное количество актуализации данного фразеологизма с пометой «Куба» или «США»:

– *Lo que pasa es que cuando se enfrentan a alguien, que demuestra zonas de conocimiento a las que ellos no pueden siquiera asomarse, en especial de la verdadera historia de Cuba, les **da changó** con conocimiento y comienzan a echar espuma por la boca y pistilencias por todas partes...* ('Итак, происходит следующее: когда они [представители поколения Y] встречают кого-то, кто демонстрирует такие знания, которые им даже не снились, особенно в области настоящей истории Кубы, они просто **бесятся / впадают в ярость** от этих знаний, изо рта у них начинается «идти пена» и стрелы – в разные стороны...')

Еще одним божеством йоруба, оставившим след в кубинской фразеологии, является Йемандж / Йеманджи (Yemayá) – богиня соленых вод: «Мать рыб и Мать всех ориша, богиня океана. В кубинском национальном варианте испанского языка данный антропоним подвергся изменению через метатезу и в настоящее время произносится как *Mayeya*. Восклицание *¡ A gua pa ' Mayeya !* означает радость от того, что пошел сильный дождь, благодаря которому земля принесет хороший урожай, или выступает перифразом для самого слова «ливень». Данное восклицание стало частью кубинского фольклора и встречается в народных песнях в контексте призыва дождя:

– *En las canciones populares se ha hecho referencia a ofrendar agua a los santos, como por ejemplo: **Agua pa' Mayeya** y (...) Pregunta ¿qué necesita? Agua bendita* ('В народных песнях говорится о принесении воды в жертву святым, как, например: «Вода для Йеманджи, и (...) она спрашивает: «Что тебе нужно?» – «Благодатной воды»')

– **Agua Pa' Mayeya**

Si va a llover que llueva

('Вода для Йеманджи [= ливень],

если собирается пролиться,

то пусть прольется')

Еще одно устойчивое выражение, включающее данный антропоним, – *collar de Mayeya*

suciedad que se forma en el cuello (букв. 'ожерелье Йеманджи – грязь на шее'): так говорят детям, призывая их умыться (ср. рус. «Ты чернее трубочиста, полюбуйся на себя!»). Согласно верованиям йоруба, каждое божество Пантеона имеет отличительный знак в виде ожерелья определенных цветов, которое является магическим амулетом, и для Йеманджи как владычицы морей эти цвета – синий и белый. С другой стороны, существует легенда о том, что Йеманджи использовала амулеты не по назначению, играя с ними, за что получила нареkanie от верховного божества: *Mayeya, irrespeto los collares, no juegues con los santos!* ('Йеманджа, уважай ожерелья, не играй со святыми') [9]. В кубинском национальном варианте испанского языка таким образом детей призывают перестать шалить и задуматься над своим поведением, предупреждают о возможных негативных последствиях шалости.

Еще одним божеством Ориша, имя которого перешло в категорию нарицательных, выступает Элегба / Эшу (Eleg(g)uá / Eshú, Echú). Л. М. Нуньес, исследователь сантерии, описывает его как бога перекрестков, дорог, установления контактов между людьми и другими Ориша. Без его одобрения невозможно установить связь ни с какими духами; более того, он – шутник, и его боятся, поскольку огромная сила, управляемая только его прихотью, может причинить большой вред [9]. Лексема *ech ú* на Кубе означает неудачи – *representación de la mala suerte*, а выражение *evitar el ech ú* используется в значении 'избежать неприятностей':

– *A él se le hacen ofrendas y para él hay baños de purificación o de preparación de el ambiente (casa o local de reunión) con incienso o perfume. El echu es evitado* ('Ему [божеству] приносятся жертвы, для него есть очистительные ванны и подготовка пространства (дома или места, где проходит собрание) с помощью благовоний. Так **не будет неприятностей**')

Помимо африканских верований, на испанский язык Кубы повлияла и повседневная жизнь афрокубинцев, в которой значительное место отводилось устному народному творчеству. Фразеологический фонд кубинского национального варианта испанского языка пополнили выражения с именами персонажей, о которых практически невозможно с уверенностью сказать, принадлежат ли они реальным людям (как в случае с вышеупомянутым Маркосом Пересом из Буэнависты). Примерами таких антропонимов африканского происхождения можно считать имена *Ñ a ñ a* (*Ñ a ñ á / Nan á*) *Ser é*, *Cafunga* и *Chacumbele*.

Фразеологизмы *ser más viejo que Ñañá Seré* (букв. 'старше, чем Ньянья Сера') и *en tiempos de Ñañá Seré* (букв. 'во времена Ньянья Сера') используются в ироничных контекстах, характеризуя нечто очень старое или какое-либо давнее событие (ср. исп. *en los tiempos de Maricasta ñ a*, рус. *во времена царя Гороха*). Согласно африканскому преданию, раб с таким именем умудрялся всячески отлынивать от работы и, таким образом, смог дожить до времен, когда рабство закончилось и, уже будучи свободным, умереть в более чем столетнем возрасте. По другой версии, *Ñ a ñ á Ser é* – общее название для группы племен йоруба (лукуми) с древней историей, представители которых (благодаря метонимическому переносу также называемые *ñ a ñ á ser é*), появившись на Острове в качестве рабов, не забыли своих корней и из поколения в поколение передавали обычаи, традиции и верования предков.

Имя другого африканского персонажа, Чакумбеле (*Chacumbele*), выступает семантически опорным компонентом для фразеологизмов-сравнений *pasarle como a Chacumbele* (*que é l mismo se mat ó*) и *morir como Chacumbele* ('случиться, как у Чакумбеле (который сам себя убил)' и 'умереть как Чакумбеле'): *d í cesele a alguien cuyo descuido o*

superficialidad podr í a acarrearle graves consecuencias o hasta da ñ os f í sicos ('так говорят кому-то, чья беспечность или поверхностность может привести к серьезным последствиям (вплоть до физических повреждений)' [\[10\]](#)). Как многие городские легенды, история Чакумбеле запутана и имеет несколько трактовок:

– *Se dice que Chacumbele fue un personaje real, un policía que, atormentado por las traiciones de su mujer, se quitó la vida. Todo ocurrió a principios del siglo XX en La Habana. Pero hay otra versión de la historia, donde la mujer muy celosa lo buscó y, cansada de sus ausencias en parrandas y fiestas con otras mujeres, lo apuñaló; en esta versión el estribillo "él mismito se mató" refuerza la enseñanza de quien mal anda, mal acaba* ('Говорят, что Чакумбеле, действительно, существовал и был полицейским, который, измучившись от измен своей жены, лишил себя жизни. Все произошло в начале XX века в Гаване. Существует и другая версия истории, в которой очень ревнивая жена Чакумбеле его разыскивала и, устав от его отсутствия дома в связи с постоянными загулами и вечеринками с другими женщинами, его заколола; по этой версии присказка «сам себя убил» наглядательно подчеркивает, что плохой конец ждет того, кто совершает плохие поступки')

Антропоним Кафунга (*Cafunga*), выступает семантически опорным компонентом для еще одного фразеологизма-сравнения – *morir como Cafunga* (букв. 'умереть как Кафунга'). В работах испанских лингвистов находим следующие его значения:

- (1) *morir en forma inesperada* ('умереть внезапно');
- (2) *morir en forma violenta* ('умереть жестокой смертью');
- (3) *terminar mal* ('плохо закончить(ся)') [\[10\]](#);
- (4) *morir en un acto altamente arriesgado* ('умереть в результате рискованных действий');
- (5) *morir en un acto de valor* ('пасть смертью храбрых')

Известный кубинский лингвист Ф. Ортис приводит 2 версии происхождения данного выражения: *la primera, es que la voz Cafunga viene por alteración del vocablo Kakanfó, título conferido al guerrero Lucumí cuyo valor lo convertían en héroe de su pueblo por tanto en una figura admirada dentro del folklore afrocubano (...) La otra versión cuenta que un moreno desmochador de palmiche en la zona de Santi Spiritus, quien tenía como sobrenombre Cafunga, un día al no ajustarse bien las trepaderas que lo aseguraban, cayó estrepitosamente desde lo alto de una palma real (árbol nacional de Cuba)* ('Согласно первой версии, имя собственное Кафунга (*Cafunga*) – видоизмененная лексема *Kakanfó*; так называли воина Лукуми, благодаря своей отваге ставшего народным героем и вызывающей восторг фигурой афрокубинского фольклора (...) По второй версии, темнокожий рубщик пальм в лесах Санти Спиритус, по прозвищу Кафунга, однажды не закрепив как следует веревки, которые его страховали, рухнул с самой верхушки королевской пальмы – национального дерева Кубы').

Существует и третья, региональная, версия появления данного сравнения, возникшая в Сантьяго де Куба и получившая распространение в восточной части Острова. Согласно легенде, Кафунга был старым ловеласом, который работал посыльным в небольшой лавочке Сантьяго и в 1823 г., влюбившись без памяти в 16-летнюю девушку-рабыню, соблазнил ее. Жених той девушки, будучи намного моложе и сильнее, взял огромную палку и отправился мстить. Кафунга смог убежать от преследователя, но когда опасность уже миновала, умер от инфаркта на ступеньках церкви. Исходя из указанной версии, к

общекубинским значениям данного фразеологизма можно добавить диалектное значение, актуализированное в Сантьяго де Куба:

(6) умереть бесславной смертью: *Y as í muri ó Cafunga , seg ú n los santiagueros , para quienes su muerte – a diferencia de la versi ó n m á s extendida – no fue un acto de valor , sino todo lo contrario* ('Вот так и умер Кафунга, говорят жители Сантьяго, для которых его смерть, в отличие от общепринятой версии, не была результатом отваги, а с точностью до наоборот')

Таким образом, спектр значений фразеологизма *morir como Cafunga* обнаруживает явление энантиосемии ('пасть смертью храбрых' vs. 'умереть бесславно'), которая не выявляется при помощи словарей, однако раскрывается в результате анализа его региональной актуализации. В данном случае можно сделать вывод о необходимости изучения функционирования в речи культурнообусловленных ЯЕ в рамках межвариантной диалектологии.

Библиография

1. Баранникова Л. И. М Основные сведения о языке: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1982. – 112 с.
2. Вершинина Е. Г. Влияние субстратных и адстратных факторов на формирование лексики национальных вариантов испанского языка Кубы, Пуэрто-Рико и Доминиканской Республики: Дис. канд. филол. наук. – М., 2002. – 194 с.
3. Гарник А.В.— Латинский язык : учебник / А. В. Гарник [и др.].-Минск : БГУ, 2015.
4. Choy Lopez L. R. El fonema s en el español de Cuba // Anuario L/L 15. – La Habana, 1984. – Pp. 141 – 148.
5. Choy Lopez L. R. El consonantismo actual en Cuba // Anuario L/L 16. – La Habana, 1985. – Pp. 219 – 233.
6. Choy Lopez L. R. Zonas dialectales en Cuba // Anuario L/L 20. – La Habana, 1989. – Pp. 83 – 100.
7. Ortiz López Luis. La variante hispánica haitianizada en Cuba: otro rostro del contacto lingüístico en el Caribe. – La Habana, 1999. – 354 p.
8. Laurencio Tacoronte A. Variación lingüística en el español de Cuba. – Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2012. – 206 p.
9. Núñez L. M. Santería Stories. – NY: Spring Publications, 2006. – 224 p.
10. Sánchez-Boudy J. Diccionario mayor de cubanismos. – Miami: Ediciones Universal, 1999. – 698 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом изучения рецензируемой статьи становится фактор влияния африканских языков на развитие кубинского национального варианта испанского языка. Как указывает автор работы, «изучение особенностей латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, их вариативности было и остается одним из ключевых вопросов отечественной и зарубежной испанистики», «говоря о странах карибского бассейна, в первую очередь, о Кубе, следует отметить, что важной особенностью их формирования стало наличие перманентных языковых контактов между носителями

испанского и африканских языков, что нашло свое выражение в интерференции на различных уровнях языка». Следовательно, вопрос заслуживает должного рассмотрения, он вполне актуален, интересен, концептуален. Методологический ценз исследования соотносится с рядом традиционных принципов, противоречий в раскладке научного повествования не выявлено; в работе синтезирован теоретический блок и собственно практический, привлекает выдержанность логики на протяжении всего сочинения. Стиль работы находится в рамках научного типа: например, «существуют различные подходы к классификации языковых контактов. К примеру, А.В. Гарник выделяет в зависимости от длительности контакта: 1) казуальные языковые контакты, происходящие при нерегулярных контактах языков друг с другом. 2) перманентные, устанавливающиеся в результате интенсивных контактов языков друг с другом. Среди перманентных контактов выделяются два подтипа: 1) внешние, устанавливающиеся между народами разных государств, расположенных на близких территориях, которые имеют тесные экономические, политические, культурные связи 2) внутренние, которые возникают между языками народов, образующих одно государство», или «интересным представляется наличие так называемых регионально-узловых заимствований, распространённых в рамках определенной диалектной зоны Кубинского испанского, в первую очередь, Юго-восточная зоны (Сантьяго-де-Куба, Гуантанамо) и Южной зоны (Баракоа), которые, согласно исследователю Р. Чою Лопесу), являются наиболее диалектно специфичными в силу определенной изоляции на некоторых исторических этапах. Можно привести следующие примеры: *benubu* – 'разновидность медицинского растения', *bolondro* – разновидность гибискуса, *tahona* – мероприятие с громкой музыкой, изначально, разновидность барабана, распространённая в восточной части Кубы, *serensé* – фунча, баланда из кукурузной муки и др.» и т.д. Примеры, которые вводятся в текст разнообразны, фактурны, оправданы: «в корпусах испаноязычных текстов можно найти значительное количество актуализации данного фразеологизма с пометой «Куба» или «США»: – *Lo que pasa es que cuando se enfrentan a alguien, que demuestra zonas de conocimiento a las que ellos no pueden siquiera asomarse, en especial de la verdadera historia de Cuba, les da changó con conocimiento y comienzan a echar espuma por la boca y pistilencias por todas partes...* ('Итак, происходит следующее: когда они [представители поколения Y] встречают кого-то, кто демонстрирует такие знания, которые им даже не снились, особенно в области настоящей истории Кубы, они просто бесятся / впадают в ярость от этих знаний, изо рта у них начинается «идти пена» и стрелы – в разные стороны...')». Новизна данного труда заключается в выборе не так часто анализируемых языковых моделей, а также в выборе иного вектора оценки влияния африканских языков на развитие кубинского варианта испанского языка. На мой взгляд, несколько расширить можно было вывод по тексту: «таким образом, спектр значений фразеологизма *morir como Cafunga* обнаруживает явление энантиосемии ('пасть смертью храбрых' vs. 'умереть бесславно'), которая не выявляется при помощи словарей, однако раскрывается в результате анализа его региональной актуализации. В данном случае можно сделать вывод о необходимости изучения функционирования в речи культурнообусловленных ЯЕ в рамках межвариантной диалектологии». В финале предполагается выход к новым аспектам рассмотрения вопроса, потенциальный читатель таким образом видит некую перспективу разверстки темы. Формальные требования издания учтены, список источников достаточен для такого объема. Материал продуман, он вполне самостоятелен, практическое применение можно соотнести с вузовской программой изучения иностранных языков. Рекомендую статью «Некоторые особенности влияния африканских языков на развитие кубинского национального варианта испанского языка» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

